

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).084.1+94(47).084.2

ПОНЯТЬ СМУТУ: ИСТОРИК МЕЖДУ МИФАМИ О РЕВОЛЮЦИИ

В. П. Булдаков

РАН, Институт российской истории

В статье показано, что на протяжении 100 лет историография не выходила за пределы политический представлений и мифов, рожденных самой революцией, опиравшихся, в свою очередь, на «прогрессистскую» ментальность эпохи Просвещения. Между тем, русская революция задавалась вовсе не линейной перспективой, как было принято думать сто лет назад. История скорее циклична, соответственно свойствам человеческой массы, склонной сдерживать представителей нетерпеливых политических элит. Эти мысли высказывались наиболее проницательными людьми еще сто лет назад. Революция может быть «консервативной», что наглядно демонстрирует современность. Подлинная революция возможна только в связи с «революцией сознания» массы населения. Поэтому события столетней давности должны быть переосмыслены на культурно-антропологическом уровне.

Ключевые слова: *эпоха Просвещения, Россия, революционный цикл, культура, социальный хаос, историография, миф, историческая память.*

Столетие революции вызвало особый интерес. До сих пор и в российской, и в западной историографии продолжалось пережевывание мифов, рожденных в ходе революции и в результате нее. Преобладали либо хвастливый рапорт победителей, либо оправдания поверженных. Так или иначе революция оставила после себя такую мощную идеологическую ауру, что избавиться от неё было непросто.

Развал СССР – детища «Великого Октября» – добавил недоумения. Российская историография потянулась к иллюзиям и мифам контрреволюции. Конечно то, что внуки и правнуки «красных» стали примерять на себя погоны белогвардейцев, смотрелось нелепо. Но иного и быть не могло – коммунистические ценности смертельно надоели.

Историографическая «смута в головах» и отсутствие даже подобия конвенционального *научного* подхода к истории революции были явлением неизбежным. Характерно при этом, что даже антикоммунисты при подходе к предпосылкам революции опирались на ту же «материалистическую» парадигму, что и бывшая марксистско-ленинская историография. Если раньше считалось, что до революции народ неуклонно нищал, политический гнёт царизма стал невыносимым, то теперь «Россия, которую мы потеряли», предстала мощной процветающей державой. Тут же стали реанимироваться те же самые представления революции, которыми некогда тешила себя проигравшая сторона.

Мифы о заговорах сопутствуют всем революциям и охотно используются политиками¹. Одни люди теряют ориентацию в происходящем, другие используют это в демагогических целях. В 1922 г. выдающийся философ П. Флоренский отмечал, что с началом текущего [XX] века научное миропонимание претерпело сдвиг, равного которому не найти, кажется, на всем протяжении человеческой мысли... Слово *революция* кажется слабым, чтобы охарактеризовать это событие культуры». Страсти революционного времени словно парализовали аналитические способности: «Увлекаемые вырвавшимся вихрем, мы не имеем и способов достаточно оценить скорость происходящего процесса, как не выработали еще в себе категорий сознания, которыми можно было бы выразить общий смысл совершающегося»². Масштабность революционного хаоса требовала революции сознания. Оценить скорость и взаимосвязь происходящего современникам событий вряд ли было возможно. Отсюда те историографические нелепости, которые дают о себе знать и сегодня.

Совершенно очевидно, что в этих условиях сообщество российских профессиональных историков должно было высказать свое авторитетное мнение соответственно идеологической и политической конъюнктуре наших дней. В декабре 2016 г. российское руководство приняло решение: грядущая коммеморация должна пройти под знаком примирения духовных наследников «либералов» и «коммунистов», «красных» и «белых». При этом было заявлено, что «сегодня государственная власть не только не диктует историкам, какие “правильные” политические акценты необходимо давать тем или иным событиям нашей истории, но наоборот, обращаться к специалистам, чтобы получить профессиональные ответы на сложные вопросы». Такой подход нельзя не приветствовать. Но чтобы прийти к подлинному примирению, надо бы найти глубинные истоки революции, отыскать такие несомненные её причины, которые устроили бы всех. Возможно ли это? Положение усложняется тем, что не столь давно, в ходе коммеморации, связанной с Первой мировой войной, сверху не раз прозвучали слова о «предательстве», в результате которого Россия оказалась проигравшей стороной³.

В связи с этим возникает «эпистемологическая» неувязка: одно дело сообщество профессиональных историков, опирающихся на факты, порожд-

---

¹ *Cubitt G. The Jesuit Myth: Conspiracy, Theory and Politics in Nineteenth Century France. Oxford, 1993.*

² *Флоренский П. А. Пифагоровы числа // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Т. V. С. 504.*

Florenskij P. A., Pifagorovy chisla , Trudy po znakovym sistemam, Tartu, 1971, T. V, S. 504.

³ *Колоницкий Б. И. Ресурсы культурной памяти и политика памяти о Первой мировой войне в России // Cahiers du monde russe. 1917. Historiographie, dynamiques révolutionnaires et mémoires contestées. 2017. 58/1-2, Janvier-juin. С. 179–181.*

Kolonickij B. I., Resursy kul'turnoj pamyati i politika pamyati o Pervoj mirovoj vojne v Rossii, Cahiers du monde russe. 1917. Historiographie, dynamiques révolutionnaires et mémoires contestées. 2017. 58/1-2, Janvier-juin. S. 179–181.

дённые культурной средой, другое – историческое воображение масс, привыкших ориентироваться на «подсказки» телевизора (или интернета). «Необходимо взглянуть на те события во всех оттенках, стать выше борьбы сторон, справедливо и беспристрастно вспомнить и о победителях, и о жертвах, у каждого из которых была своя правда», – заявил 3 июня 2017 г. на общем собрании Российского исторического общества его председатель С. Е. Нарышкин. И, надо заметить, близкие к власти любители заговоров заметно сбавили тон⁴, а на многочисленных научных конференциях стал вырастать образ «Великой Российской Революции», хотя с телеэкранов мощным потоком выплеснулась всевозможная фантазийная муть и заезженные конспирологические «прозрения».

В ряду коммемораций 2017 г. была сделана попытка вытеснить революцию из человеческой памяти средствами изобразительного искусства. На Крымском валу состоялась выставка под вызывающим названием «Некто 1917». Метафору заимствовали у В. Хлебникова – вероятно, для того чтобы доказать его «неправоту». Были подобраны картины, «доказывающие», что революционные события прошли мимо живописцев того времени. Однако такого не бывает. Конечно, всякое творчество инерционно, живописец не обязан всецело отдаваться «злобе дня». Вместе с тем он так или иначе ощутит и отобразит нерв, дух и этос эпохи, ибо повязан с ней глубинными узами культурного целого. И только мелкий политик, вроде нынешнего министра культуры, станет уверять, что люди творчества не заметили «дурной» революции. На деле они её «почувствовали». Достаточно было взглянуть на открывавшее выставку полотно В. В. Кандинского «Сумеречное» (1917), чтобы поверить, что на Россию надвигается нечто смутное и неотвратимое. А если взглянуть в крестьянские лица знаменитого живописного цикла Б. Д. Григорьева «Расея», то трудно не представить той самой глубинной народной культуры, которая, в конечном счёте, смахнула с лица земли то, что угрожало её первозданному существованию.

Всякий загнивающий авторитарный режим порождает отвращение к самому себе. Общество пытается «спастись» с помощью циничного конформизма и «юмора висельников». Именно так было накануне революции. Но как это «прочувствовать» сегодня?

Поначалу большевики склонны были подчёркивать роль масс, творящих историю. Затем их подменила партия, направляющая в «единственно возможном» революционном направлении – по условиям времени в это трудно было не поверить⁵. Из провала подобных представлений выросла история многопартийности и всевозможных альтернатив революции и внутри её самой. На деле существует только одна история – история наро-

---

⁴ Ср.: Никонов В. А. Крушение России. 1917. М., 2011; Никонов В. А. Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем... М., 2017.

Nikonov V. A., *Krushenie Rossii. 1917*, М., 2011; Nikonov V. A., *Oktyabr' 1917. Kto byl nichem, tot stanet vsem...*, М., 2017.

⁵ Corney F. *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca and London, 2004. P. 70–73.

да, связанного в своих «излишне пылких» устремлениях с общечеловеческим движением к достойному будущему.

К сожалению, историки никак не научатся «читать» документы непривычного эмоционального ряда. А их, между прочим, ничуть не меньше «документальных» свидетельств. Неумение расшифровывать образы прошлого создаёт оперативный простор для современных мифотворцев. Некоторые журналисты попытались воспользоваться сложившейся ситуацией. Показательна в этом отношении книга М. Зыгаря «Империя должна умереть». Похоже, на него работал целый коллектив, даже порывшийся в архивах. Однако ничего нового, кроме занимательной подачи известного материала, книга не открыла. Автор, призывая излечиться от травмы «рукотворной», но неизбежной революции, лишь постарался убедить, что наследникам «победителей» и «побеждённых» не стоит раздирать застарелые раны⁶. Нечто подобное уже было: известен автор, который предложил историкам заняться «клиотерапией». Другой известный журналист А. Гаспарян, напротив, всю силу своего таланта направил на опровержение традиционных конспирологических домыслов. Выводы его таковы: «Русскую монархию снесли те, кто должен был её защищать. Временное правительство во всех составах уверенно продемонстрировало органическую неспособность вывести страну из кризиса. Остановить большевиков мог только генерал Корнилов, но в конечном итоге получился не заговор военных, а истерика беременной гимназистки. Путь власти большевикам был открыт. Дальше все зависело только от них»⁷. Спрашивается, кто из серьёзных историков всего этого не знал? Стоило бы только добавить: впереди большевиков двинулись не столь многочисленные, но яркие противники всякой власти в лице всевозможных анархистов и максималистов. Но стоило ли изобретать «новый» исторический жанр – «антиконспирологию»?

Историческая память, в отличие от исторической науки, развивается своими собственными путями. В других «юбилейных» популярных работах утверждалось, что «исторические срывы, провалы и катастрофы следуют признать важнейшей особенностью Русской цивилизации»⁸. Не менее примечательно появление книги Л. Данилкина, названной претенциозно – «Пантократор солнечных пылинок» – и это о Ленине! Получилась заземлённая биография выдающегося человека, «перевернувшего мир» с помощью гегелевской диалектики. Похоже, попытки связать успех Ленина с гегелевской логикой становятся популярными⁹. И всё же концовка книги заставляет задуматься: непритязательный в быту человек, обладавший ис-

---

⁶ Зыгарь М. Империя должна умереть. М., 2017. С. 864.

Zygar' M., *Imperiya dolzhna умереть*, М., 2017, S. 864.

⁷ Гаспарян А. С. Крах Великой империи. Загадочная история самой крупной геополитической катастрофы. М., 2016. С. 316.

Gasparyan A. S., *Krah Velikoj imperii. Zagadochnaya istoriya samoj krupnoj geopoliticheskoj katastrofy*, М., 2016, S. 316.

⁸ Разумовский Ф. 1917: Переворот? Революция? Смута? Голгофа! М., 2017. С. 3.

Razumovskij F., *1917: Perevorot? Revolyuciya? Smuta? Golgofa!*, М., 2017, S. 3.

⁹ См.: Di Mascio C. Lenin e i quaderni sulla scienza della logica di Hegel. Firenze, 2017.

кренним и заразительным смехом, попросту не мог быть обычным злодеем и заговорщиком¹⁰. Однако стоит вспомнить и Ф. Ницше: «Людей, замысляющих общественный переворот, следует разделять на таких, которые хотят достигнуть этим чего-либо для себя, и на таких, которые имеют при этом в виду своих детей и внуков. Последние опаснее всего: ибо им при-суща вера и спокойная совесть бескорыстных людей»¹¹.

Историю русской революции с её «гениями и злодеями» стоило бы внести в контекст культурно-антропологического *надлома* большого исторического времени. Революции делали не инфернальные существа, а обычные – пусть не в меру пассионарные – люди, остро ощущавшие своё промежуточное положение между прошлым и будущим, а потому решительно отбрасывавшие «старую» мораль, что и отразили плакаты, карикатуры и открытки 1917 г. Некоторые исследователи, учитывая всеобщую тенденцию к «визуализации» прошлого, стремятся показать это¹².

На всякое явление системного порядка нельзя смотреть с одной стороны (как и с двух, трёх и более). Его следует высветить со *всех* сторон, чтобы получить своего рода голографическое изображение динамичного исторического явления. Это позволит избежать «эффекта параллакса» (предмет меняет свою форму в зависимости от изменения угла зрения). Не мешало бы также добавить к этому ощущение «духа времени». Но нельзя сказать, что в 2017 г. это вполне удалось. По некоторым данным, с декабря 2016 до конца 2017 г. в России прошло около 2 тыс. мероприятий (конференций, выставок и т. п.), за рубежом – около 400 коммемораций, только во Франции были проведены свыше десятка различных конференций. Конечно, преобладали ритуальные и занимательные акции – вплоть до музыкально-театрализованных представлений.

Характерно, что нынешние «всезнающие» (в силу профессии!) партийные лидеры остались при своих взглядах на революцию: В. В. Жириновский (ЛДПР) по-прежнему видит в ней только разрушение¹³, Г. А. Зюганов (КПРФ) по давней инерции уверяет, что «Великий Октябрь» спас «самое гениальное изобретение русских» – тысячелетнюю государствен-

¹⁰ Данилкин Л. А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 781–782.

Danilkin L. A., *Lenin: Pantokrator solnechnyh pylinok*, М., 2017, S. 781–782.

¹¹ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое: Книга для свободных умов. СПб., 2015. С. 304.

Nicshe F., *Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe: Kniga dlya svobodnyh umov*, SPb., 2015, S. 304.

¹² См.: Аксёнов В. Б. Журнальная карикатура как зеркало общественных настроений в 1917 году // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2017. № 1; Ветер Семнадцатого года. Российский политический плакат 1917 г. М., 1917.

Akseyonov V. B., *Zhurnal'naya karikatura kak zerkalo obshchestvennyh nastroyenij v 1917 godu*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2017, № 1; *Veter Semnadcatogo goda. Rossijskij politicheskij plakat 1917 g.*, М., 1917.

¹³ 100-летие революции 1917 года в России: международные аспекты. Материалы парламентских слушаний 26 октября 2017 года. М., 2017. С. 6.

100-letie revolyucii 1917 goda v Rossii: mezhdunarodnye aspekty. Materialy parlamentskih slushanij 26 oktyabrya 2017 goda, М., 2017, S. 6.

ность. Нечто подобное высказывалось авторами сходной политической ориентации¹⁴. Вряд ли их смог убедить академик А. В. Торкунов, заявивший: научное сообщество пришло к пониманию того, что все события 1917 г. вместе с Гражданской войной были этапами единого процесса¹⁵. Представление о грандиозной «Красной смуте» не назовёшь новым. Но к месту ли оно сегодня? Хотя С. Е. Нарышкин констатировал, что «революция перестала разделять и сталкивать наших граждан»¹⁶, на деле стремление к «конвенциональному» взгляду на неё заметно лишь в среде профессиональных – российских и западных – историков. Политики и обслуживающие их журналисты по-прежнему тянут в разные стороны весь набор мифифицированных представлений о революции. Если ситуация в академической историографии революции в 2017 г. выглядела невнятной, то в СМИ она напоминала скороспелый спектакль, поставленный коллективом неумелых, но нахальных режиссёров.

Иной раз создаётся впечатление, что наши современники вообще не в силах разглядеть того, что противоречит почитаемым ими «законам». С другой стороны, в силу прогрессирующего отчуждения от реальности они ставят химеры своего воображения выше жизненных реалий. Это касается и академического сообщества. Ведь и сегодня можно встретить утверждения, что политическая история русской революции ещё не написана¹⁷. Между тем сочинением именно *политической* истории революции в России занимались более 100 лет. При этом подлинный смысл происходящего не удалось показать ни левым, ни правым авторам. В этой связи разочаровывают попытки возродить традиции советской «этатистской» истории революции¹⁸. Несомненно, что именно на столетнем перепутье политических «историй» вновь взросли ядовитые побеги нынешней конспирологии. Принцип «Кто контролирует настоящее, контролирует и прошлое» (Дж.

---

¹⁴ См.: Вахитов Р. Р. Революция, которая спасла Россию. М., 2017. Также см.: От Великого Октября к советскому социализму. Взгляд 100 лет спустя. М., 2017.

Vahitov R. R., *Revoluciya, kotoraya spasla Rossiyu*, М., 2017.; *Ot Velikogo Oktyabrya k sovetskomu socializmu. Vzglyad 100 let spustya*, М., 2017.

¹⁵ 100-летие революции 1917 года в России: международные аспекты. С. 13, 19.

100-letie revolyucii 1917 goda v Rossii: mezhdunarodnye aspekty, S. 13, 19.

¹⁶ Нарышкин С. Юбилей – повод для серьезной работы // Воронцово поле. Вестник фонда «История Отечества». 2017. № 1. С. 9.

Naryshkin S., *Yubilej – povod dlya ser'eznoj raboty*, Voroncovo pole. Vestnik fonda «Istoriya Otechestva», 2017, № 1, S. 9.

¹⁷ Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М., 2017. С. 18.

Medushevskij A. N., *Politicheskaya istoriya russkoj revolyucii: normy, instituty, formy social'noj mobilizacii v XX veke*, М., 2017, S. 18.

¹⁸ См.: Чураков Д. О. В битвах за историзм: проблемы изучения Великой Русской революции 1917 года и постреволюционного режима. М., 2016; *Ego же*. 1917 год: Русская государственность в эпоху смут, реформ и революций. М., 2017.

Churakov D. O., *V bitvah za istorizm: problemy izucheniya Velikoj Russkoj revolyucii 1917 goda i postrevolyucionnogo rezhima*, М., 2016; Churakov D. O., *1917 god: Russkaya gosudarstvennost' v ehpohu smut, reform i revolyucij*, М., 2017.

Оруэлл) характерен не только для большевистской историографии. Отталкиваясь от него, можно заключить, что неконтролируемое настоящее порождает настоящий хаос представлений о прошлом. В особой степени это касается былых революций.

Возникает вопрос: как избавиться от столетних «болячек» исторического сознания? Ответ, кажется, очевиден: в первую очередь стоит избавиться от политизированности историографии – как применительно к партиям прошлого, так и к современной партийно-политической вкусовщине. С другой стороны, вряд ли оправдана традиция институционального подхода, точнее – изучения революции через её зыбкие институты, ничуть не сдержавшие эмоционально-силового натиска на себя и на власть в целом. Нет смысла и в «классовом» подходе: он действовал в ограниченных масштабах, а в годы Гражданской войны фактически сошёл на нет. Некоторые профессиональные историки, далекие от непосредственного изучения революционных событий, приходят к выводу, что «настоящей» революции в России не было и не будет, зато вероятность смуты достаточно велика¹⁹.

Беспристрастность в историческом исследовании необходима. Но возможности её достижения сомнительны даже в гражданском обществе. Историк – продукт своего времени. Подлинная наука (по крайней мере по понятиям позитивистов) должна быть не просто нравственно нейтральной, но и «аморальной». Однако применительно к исторической науке это практически невозможно. Всякое подобие «толерантности» в историографии революции смотрится как *contradictio in adjecto*.

Но принципиальная трудность в осмыслении катастрофично-хаотических событий прошлого связана не с этим. Революционный кризис возник в условиях господства одной мыслительной парадигмы, а оценивать его приходится в иной ментальной ситуации. Обычный человек словно прикован к стереотипам своего времени, а общество требует известной степени конформизма по отношению к господствующим ценностям. Историк так или иначе вынужден говорить «на двух языках» – языке исследуемого времени и языке «непонятливой» современности.

Какие же подходы представляются наиболее перспективными как в чисто эвристическом, так и в конвенциональном отношении? Вряд ли приходится сомневаться: революция должна изучаться снизу, через настроения и устремления простых людей, формировавшиеся десятилетиями и столетиями. Имеются в виду и агрегированные политические настроения, и психопатологические отклонения, и динамика эмоций отдельных людей в контексте их обыденного существования. Материал такого рода имеется в изобилии²⁰. Но насколько удалось в 2017 г. продвинуться в этом направлении?

¹⁹ Дворниченко А. Ю. Прощание с Революцией. М., 2018. С. 269–270.

Dvornichenko A. Yu., *Proshchanie s Revolyuciej*, М., 2018, S. 269–270.

²⁰ Напр. см.: *Pannanopm X. Застигнутые революцией. Живые голова очевидцев*. М., 2017; *Революция продолжается. 1917 год глазами писателей*. М., 2018.

Rappaport H., *Zastignutye revolyuciej. Zhivye golova ochevidcev*, М., 2017; *Revolyciya prodolzhaetsya. 1917 god glazami pisatelej*, М., 2018.

Некоторое представление о соотношении исследовательских подходов дают материалы представительной международной научной конференции «Великая российская революция 1917: сто лет изучения», состоявшейся в октябре 2017 г. в Институте российской истории РАН и собравшей около 150 исследователей. На ней последовательно рассматривались экономическое положение России, политический кризис и трансформация властных институтов, партии и общественные организации, национальные движения, культура и духовная жизнь, человеческое измерение революции, внешнеполитическое влияние революции²¹. В общем преобладал привычный этатистский подход, социальные движения словно растворились в нём. Можно не сомневаться в том, что на прочих конференциях положение было схожим.

Западные историки также не смогли представить к юбилею революции ничего особенно оригинального – выделялось только стремление показать, какое основательное влияние оказала она на внешний мир²². Весьма показателен также номер известного французского руссиеведческого журнала. Он открылся интервью с признанными авторитетами. Однако один из них – М. Ферро, в отдалённом прошлом автор новаторских работ о социальных движениях в русской революции, – предпочёл говорить о последующих революциях XX в., подчёркивая, что их лидеры, подобно В. И. Ленину, следовали не столько за К. Марксом, как за анархистом К. Малапарте²³. М. Хильдермайер, известный не только книгой о революции²⁴, но и солидной монографией об эсерах, настаивал на социальной интерпретации революции, одобренной, однако, привычными политическими подходами. События 1917 г. получились у него по-прежнему излишне «социологизированными»²⁵, что, впрочем, характерно и для наиболее продвинутых, но «конвенциональных» западных работ²⁶. Что касается небезызвестного Р. Пайпса, то он откровенно заявил, что конкретные исследования революции уже не нужны; надо сосредоточиться на изучении её влияния на последующие поколения²⁷. В общем такое высказывание выглядит как признание тупика, в который забрела политическая историография «Красной смуты».

Нечто подобное характерно и для «юбилейного» номера британского журнала «Революционная Россия». Он состоит из статей об умеренных ли-

²¹ См.: Великая российская революция, 1917: сто лет изучения / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2017.

Velikaya rossijskaya revolyuciya, 1917: sto let izucheniya, отв. red. Yu. A. Petrov, М., 2017.

²² См.: Российская революция 1917 года и ее место в истории XX века: сб. ст. М., 2018.

Rossijskaya revolyuciya 1917 goda i ee mesto v istorii XX veka, sb. st., М., 2018.

²³ Entretien avec Marc Ferro // Cahiers du monde russe. 2017. 58/1-2, Janvier-juin. P. 28–30.

²⁴ См.: Hildermeier M. Die Russische Revolution, 1905–1921. Frankfurt a/M, 1989.

²⁵ Interview with Manfred Hildermeier // Cahiers du monde russe. 2017. 58/1-2, Janvier-juin. P. 37–39.

²⁶ Engelstein L. Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914 – 1921. NY, 2018.

²⁷ Interview with Manfred Hildermeier // Cahiers du monde russe. 2017. 58/1-2, Janvier-juin. P. 54.

бералах²⁸ и эсерах²⁹. Правда, здесь же напечатана весьма оригинальная статья А. Хейвуда о воздействии событий на Кавказском фронте на ситуацию в России в 1914–1917 гг. Выделяется также публикация о сексуальных отношениях и венерических заболеваниях в воюющей России³⁰. В российской историографии такие «спутники» войны и революции всё ещё «прячутся» от читателя.

К настоящему времени стремление к многомерному анализу событий революционных лет всё ещё остаётся на уровне умозрительных предположений³¹. Тем не менее призывы понять революцию в свете теории динамического хаоса весьма обнадеживают³². Интересы исследователей революции всё же становятся многообразнее: от экономики и финансов до слухов и предрассудков, от геополитики до повседневности. Исследуются не только попытки революционных лидеров прорваться в «будущее», но и стремление политически неразвитых масс «убежать» в прошлое. Довольно много в последние годы пишут о «церковной революции»³³. Действительно, 1917 г. поражает обилием и интенсивностью различного рода конфликтов *внутри* русской православной Церкви³⁴. В процесс революционного раскола были вовлечены и миряне³⁵ – это ли не отражение глубины кризиса?

---

²⁸ См.: Gavroeva E. M.V. Rodzianko and Prince G.E. L'vov (Spring and Summer 1917) // *Revolutionary Russia*. 2017. Vol. 30. № 1.

²⁹ Boniece S.A. Heroines and Hysterics: Mariia Spiridonova and her Female Revolutionary Cohort in 1917–18 // *Op. cit.* P. 78–101; Immonen H. Viktor Chernov in 1917: A Reappraisal. P. 55–77.

³⁰ Hearne S. Sex on the Front: Prostitution and Venereal Disease in Russia's First World War // *Revolutionary Russia*. 2017. Vol. 30. № 1.

³¹ См.: Цыганков В. В. Кризисы российского общества: Русская революция с позиций мирсистемного анализа // О причинах русской революции. М., 2014; Лукоянов И. В. Революция 1917 года: что это было? // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. СПб., 2017.

Cyganov V. V., *Krizisy rossijskogo obshchestva: Russkaya revolyuciya s pozicij mirsistemnogo analiza*, O prichinah russkoj revolyucii, M., 2014; Lukoyanov I. V., *Revoljuciya 1917 goda: chto ehto bylo?*, Fevral'skaya revolyuciya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii, SPb., 2017.

³² См.: Бородкин Л. И. Русская революция в свете теории динамического хаоса // О причинах русской революции.

Borodkin L. I., *Russkaya revolyuciya v svete teorii dinamicheskogo haosa*, O prichinah russkoj revolyucii.

³³ См.: Розозный П. Г. Церковная революция 1917 года. СПб., 2008.

Rogoznyj P. G., *Cerkovnaya revolyuciya 1917 goda*, SPb., 2008.

³⁴ Леонтьева Т. Г. «Революционная церковь» или «церковная революция»? О некоторых новейших исследованиях по истории Русской Православной церкви в 1917 г. // *The Soviet and Post-Soviet Review*. Vol. 36. 2009. № 2; Павлов Д. Б. Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917–1922 гг. М., 2011; Бабкин М. А. Священство и царство. Россия, начало XX века – 1918 год. М., 2011.

Leont'eva T. G., «*Revoljucionnaya cerkov'*» ili «*cerkovnaya revolyuciya*»? O nekotoryh novejših issledovaniyah po istorii Russkoj Pravoslavnoj cerkvi v 1917 g., *The Soviet and Post-Soviet Review*, Vol. 36, 2009, № 2; Pavlov D. B., *Otechestvennaya i za-rubezhnaya*

Очевидно, что мы не способны, да и не хотим подняться до трагической высоты событий столетней давности. Профессионализма для выхода на уровень метаистории, её поистине хтонических сил просто не хватает. И кто-то на этом паразитирует. Правда, и историков, и политиков одинаково завораживает феномен гигантского воздействия революции на внешний мир. Не учитывается, что это было связано с неадекватностью её восприятия извне: революцию описывали как «модернистское» явление европейского XX в., не замечая, что она таила в себе родовые черты архаичного бунтарства. А всякая непонятая смута оставляет после себя надоедливые фантомные боли. Весь XX в. был отмечен примитивным «восстанием масс» (Х. Ортега-и-Гассет), но «прогрессистское» сознание отказывалось это признавать.

Революция 1917 г. было одновременно феноменом общеевропейского и эндогенного российского порядка. Тренды развития свела мировая война. Она же обусловила двуединый характер процесса: традиционная российская смута и порыв к общеевропейской революции. К сожалению, нынешним историкам революции обычно не хватает широты взгляда, чтобы это в должной мере осознать.

С начала XX в. европейские народы жили ощущением неустойчивости ситуации. Это провоцировало соблазн рывка вперед, в том числе и через «освободительную» войну. Сегодня причины, её породившие, вполне различимы: демографический бум привёл к «омоложению» населения; промышленный прогресс убеждал во «всесилии» человека; информационная революция усиливала иллюзорный компонент сознания. Всё это происходило в условиях невиданных миграционных и социально-урбанистических сдвигов – происходило невиданное взаимодействие культур. Возросла «эмоциональность» населения, а заодно и агрессивная «безрассудность» социальной среды.

Не удивительно, что накануне революции Россия буквально кишела слухами о всевозможных заговорах. После «удачного» в глазах образованного общества избавления от Распутина даже В. И. Ленин, человек вроде бы не склонный верить в могущество «тёмных сил», как-то заявил, что Февральская революция – это «результат заговора английского и французского посольств с октябристами и кадетами и частью генералов, чтобы не дать Николаю II заключить сепаратный мир»³⁶. В общем неожиданность падения царизма создала оперативный простор для всевозможных конспирологических домыслов. В наше время спектр «заговорщиков» расширился от членов великокняжеской семьи до генералов, либералов и предпринима-

---

istoriografiya gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij 1917–1922 gg., М., 2011; Babkin M. A., *Svyashchenstvo i carstvo. Rossiya, nachalo XX veka – 1918 god*, М., 2011.

³⁵ Леонтьева Т. Г. Революция и вера // Российская революция 1917 года: общество, власть, культура. М., 2017. Т. 2. С. 29–79.

Leont'eva T. G., *Revoljuciya i vera*, Rossijskaya revolyuciya 1917 goda: obshchestvo, vlast', kul'tura, М., 2017, Т. 2, S. 29–79.

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 16.

Lenin V. I., Poln. sobr. soch., Т. 31, S. 16.

телей³⁷. Предреволюционная и революционная действительность была такова, что в потёмках общественных настроений мог заблудиться не только излишне мнительный, но и вполне здоровый, хотя и недалекий историк. «Мёртвые хватают живых» – наше сознание всё ещё плутает среди мифов прошлого.

Революция – это не то, что было кем-то задумано и запланировано немногими. Революция – это то, что и из задуманного ими было реализовано взбунтовавшимися массами. Человек не может «выскочить» из своего времени, хотя обстоятельства этого времени требуют подчас невозможного.

До начала XX в. европейский человек знал только революции *эпохи Просвещения*. И тогда образованному обществу казалось, что Россия последует тем же путём. Возникла иллюзия предсказуемости событий в соответствии с «законами разума». Однако уже Февраль 1917 г. обнаружил, что в России произошло нечто большее, чем политическая революция.

В связи с этим стоило бы, во-первых, основательно пересмотреть представление о том, что царизм был «сметен» восставшим народом. Самодержавие рухнуло в результате «саморазложения», прежде всего морального. Даже Ленин удивлялся: «Царская монархия развалилась в несколько дней»³⁸. «Русь слиняла в два дня, – изумлялся В. В. Розанов. – Самое большее – в три»³⁹. В марте 1917 г. немногие сознавали и тем более готовы были признать, что «гнилое правительство... рухнуло бесследно» само по себе⁴⁰. Система словно увяла от отвращения к самой себе. Но как это понять и описать? Позднее некоторые анархисты (обычно склонные рекламировать свои заслуги перед революцией) писали: «И от одного дуновения ветра, почти без человеческих жертв, рухнул карточный домик, домик Романовых, как только Российский народ перестал его боготворить, [а затем] разные политические шарлатаны бросились в взбаламученное море Российской жизни, чтобы выудить оттуда кое-что для себя и спасти свое имение... В с е стали революционерами. В с е стали руководителями народа»⁴¹.

В своё время под покровом мифа о народной революции притаилось скрытое желание тогдашних элит руководить революционным процессом «сверху». Однако вряд ли такое было возможно в принципе. Даже город-

---

³⁷ См.: Никонов В. А. Крушение России. 1917. М., 2011. С. 474–550; Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003.

Nikonov V. A., *Krushenie Rossii. 1917*, М., 2011, S. 474–550; Ajrapetov O. R., *General, liberaly i predprinimateli: Rabota na front i na revolyuciyu. 1907–1917*, М., 2003.

³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 11.

Lenin V. I., *Poln. sobr. soch.*, Т. 31, S. 11.

³⁹ Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. Сергиев Посад. 1917. № 1. С. 6–7.

Rozanov V. V., *Apokalipsis nashego vremeni*, Sergiev Posad, 1917, № 1, S. 6–7.

⁴⁰ Неизданный В.Г. Короленко. Дневники и записные книжки. 1914–1918. М., 2013. С. 186.

Neizdannyy V.G. Korolenko. *Dnevniky i zapisnye knizhki. 1914–1918*, М., 2013, S. 186.

⁴¹ Горелик А. Анархисты в российской революции. Буэнос-Айрес, 1922. С. 5.

Gorelik A., *Anarhisty v rossijskoj revolyucii*, Buehnos-Ajres, 1922, S. 5.

ская среда в России не была отформатирована для представительной демократии. Значительную её часть составляли всевозможные мигранты и маргиналы, тяготеющие к демонстративно-бунтарским, а не политическим формам протеста.

Как результат, начало (и скрытую основу) Февраля составил *голодный бунт*, инициатором которого стали не «сознательные» рабочие, а доведённые до истерики продовольственными трудностями *работницы*. За русским бунтом – отнюдь не столь «бесмысленным» – стоял патерналистский архетип миропредставлений. Не случайно, первыми лозунгами революции стали требования «хлеба» и «мира», адресованные *ещё* существующей власти. Однако «бунт» не носил чисто ситуационного характера. К тому времени глубинное недовольство властью (как правящей династией, так и администрацией всех уровней) приобрело устойчивый характер. Поэтому «подсказанный» революционными элитами и подкреплённый опытом 1905 г. лозунг «Долой самодержавие!», моментально стал популярным. Но революция не могла завершиться чисто политическим переворотом. Бунтарская линия событий 1917 г. была связана с *крестьянской* революцией, немолимо набиравшей обороты с 1902 г. и нашедшей своё воплощение в «незавершённой» революции 1905–1906 гг., а затем загнанной «вглубь» столыпинской аграрной реформой (заметно многообразившей внутридеревенское напряжение)⁴².

Тем не менее крестьянская среда, в значительной степени живущая по законам производительно-потребительского баланса, страдающая от аграрного перенаселения в центре страны, не понимала «городской» инновационности. И подозрительность к «барской» культуре не смогли преодолеть социалисты (включая тех, которые пытались выступать от лица крестьянства). В общем партийной социалистической догматике противостояла крестьянская утопия, так или иначе связанная с «черным переделом». В 1917 г. параллельно развивались и сталкивались «элитарный» политический процесс и архаичные бунтарские потоки.

Отсюда и мифы революции, переросшие в *мифы о революции*. Отсюда давнее противопоставление «демократического» Февраля «тоталитарному» Октябрю. На деле Февраль *уже* вышел за рамки политической революции, характерной для буржуазного общества, а Октябрь даже в представлении Ленина *лишь* «довершал» его демократические начинания (на прорыв к социализму он мог претендовать лишь в контексте мировой революции). Всё это было частью системного кризиса империи, сравнимого скорее со Смутным временем XVII в., а не с европейскими политическими революциями.

---

⁴²⁴² См.: Крестьянская революция в России. 1902–1922. М., 1994; Данилов В. П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. М.; Тамбов, 1996.

Krest'yanskaya revolyuciya v Rossii. 1902–1922, M., 1994; Danilov V. P., *Krest'yanskaya revolyuciya v Rossii. 1902–1922 gg.*, Krest'yane i vlast', M., Tambov, 1996.

Отсюда и широко распространённые представления о так называемом двоевластии. Имеется в виду якобы «антагонистичное» сосуществование Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Первому приписывается образ «власти без силы», второму – «силы без власти». Происхождение мифа имеет двойной источник: с одной стороны, о двоевластии заговорили либералы⁴³, почему-то решившие, что их планам ничто не должно мешать, с другой – их по-своему поддерживали социалисты, склонные демонстративно противопоставлять себя («революционную демократию») «буржуазному» правительству. Между тем в публичных выступлениях Н. С. Чхеидзе объяснял, что Петроградский Совет образовался для «контроля и наблюдения за деятельностью Временного правительства», т. е. вовсе не собирался ограничивать «законную» власть.

По своей этимологии (и в соответствии с общинной традицией) слово «совет» не несет в себе этактистской коннотации. «Двоевластие» относилось скорее к области псевдополитических страхов 1917 г., выросших со временем до соответствующего мифа. Ближе к истине был Л. Д. Троцкий, писавший о «двоебезвластии», «когда правительство не может, а Совет не смеет», что «неизбежно завершится кризисом неслыханной остроты»⁴⁴. Он был прав: стихия революции стимулировалась *слабостью* власти. А она, в свою очередь, была связана с непониманием правящей элитой *сути* происходящего. К тому же нетерпеливым массам не было дела до «институциональных несовершенств» власти. Ни рабочие, ни солдаты не были склонны противопоставлять Советы Временному правительству.

Весной 1917 г. в Таврический дворец приходило немало посланий, адресуемых более чем странным, как может показаться, образом «Исполнительному комитету рабочих и солдатских депутатов Государственной думы»⁴⁵. Социалистические лидеры Совета были настроены на классовое сотрудничество, хотя на доктринальном уровне между ними и «буржуазными» министрами имелись серьёзные противоречия. Впрочем, имелось более точное представление: Временное правительство и Петроградский Совет фактически подпирали друг друга, обеспечивая устойчивость *пред-*

---

⁴³ Герасименко Г. А. Состояние власти в России после свержения самодержавия // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994. С. 115.

Gerasimenko G. A., *Sostoyaniye vlasti v Rossii posle sverzheniya samodержaviya*, *Vlast' i obshchestvennyye organizatsii Rossii v pervoy treti XX stoletiya*, М., 1994, S. 115.

⁴⁴ Вперед. Орган Петербургского Междурайонного комитета объединенных с.-д. (интернационалистов). 1917. № 1. 15 (2 июня). С. 4.

Vpered. Organ Peterburgskogo Mezhdurajonnogo komiteta ob"edinennyh s.-d. (internacionalistov), 1917, № 1, 15 (2 iyunya), S. 4.

⁴⁵ Николаев А. Б., Поливанов О. Л. К вопросу об организации власти в феврале – марте 1917 г. // Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 134.

Nikolaev A. B., Polivanov O. L., *K voprosu ob organizatsii vlasti v fevrале – marte 1917 g.*, *Fevral'skaya revolyuciya: Ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu*, М., 1997, S. 134.

ставлений о власти⁴⁶. В целом социалисты склонны были видеть в своих Советах своего рода «строительные леса» российской демократии, ассоциирующейся с западным парламентаризмом. Всякое ситуационное возрастание «властности» Советов было связано с беспомощностью официальной власти. В общем тогдашние партийные доктринеры имплицитно воспроизводили неистребимую российскую тягу к единоначалию, воображая, что своей «продуманной» осторожной политикой, противостоящей «разрушительным инстинктам» масс, они закладывают основания российской демократии.

Со временем представления о двоевластии подхватили большевики, нуждавшиеся в «легитимизации» своего прихода к единовластию. В любом случае устойчивость данного мифа связана с традицией авторитаризма, отторгающего разделение властей и возможность диалога между ними. Получалось, что тогдашняя интеллигентская логика управления противостояла непомерным надеждам низов. Всё это провоцировало политико-управленческий хаос, выдаваемый последователями Ленина за «большевизацию» Советов и рост «сознательности» передовых классов.

Ленин действительно пытался противостоять «стихийности», заявляя, что «мы не шарлатаны», и потому «должны базироваться только на сознательности масс»⁴⁷. Уже в наши дни мнимая дилемма «стихийность – сознательность» захватила даже часть западных авторов. На деле на протяжении 1917 г. эмоциональные бунтарские импульсы масс неуклонно блокировали принятие «рациональных» политических решений – даже левых. Сам Ленин сетовал на «тупую, несознательную, одурачиваемую» массу, на её «несознательность, рутину, забитость, неорганизованность». Его раздражала «доверчивая бессознательность» «темных мужиков», «шовинистичность» крестьянства⁴⁸. Вместе с тем в мае 1917 г. Ленин заявлял, что «через народ перепрыгнуть нельзя», и только «мечтатели, заговорщики» думают, что «меньшинство может навязать свою волю большинству». Надежда на то, что народ со временем поймёт большевистское «учение», сохранялась у него довольно долго⁴⁹.

Акценты сместились с началом массовых выступлений в столице: «вождь пролетариата» стал подчёркивать «инициативность» масс, обгоняющую политическое поведение «социалистических» лидеров. Теперь его не пугало, что за большевиками идёт не только «сознательный» рабочий, а «иной раз прямо боящийся за свою шкуру» солдат⁵⁰. А после июльских со-

---

⁴⁶ Мстиславский С. Д. Пять дней Февральской революции. Берлин, 1922. С. 58–59.
Mstislavskij S. D., *Pyat' dnej Fevral'skoj revolyucii*, Berlin, 1922, S. 58–59.

⁴⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 105.

Lenin V. I., *Poln. sobr. soch.*, T. 31, S. 105.

⁴⁸ Там же. С. 124, 136, 157–159, 305, 362.

Ibid, S. 124, 136, 157–159, 305, 362.

⁴⁹ Там же. Т. 32. С. 50, 51.

Ibid, T. 32, S. 50, 51.

⁵⁰ Там же. С. 256.

Ibid, S. 256.

бытий Ленин словно забыл о «несознательности»: теперь, по его мнению, всё решало *доверие* масс к «пролетариату». Кстати, если события 3 – 5 июля в Петрограде именовались в советской историографии «мирной антиправительственной демонстрацией», то теперь принято говорить о «вооружённом восстании большевиков против Временного правительства». Между тем вопреки представлениям о давно планировавшемся заговоре стихийный солдатский бунт, к которому стали присоединяться рабочие, застал лидеров большевиков врасплох – они, как и их более умеренные противники, всё же надеялись на «сознательность», а не на «стихийность» масс. Лишь в 10 часов вечера 3 июля собрание большевистских организаций решило присоединиться к движению, чтобы «придать ему организованный характер». Постановили также вернуть в столицу отсутствующего Ленина. Только на следующий день, 4 июля, большевики попытались возглавить демонстрацию под лозунгами передачи власти Советам, однако это никак не повлияло на развитие событий. Бунт словно выдохся сам по себе.

Примечательно, что последующие попытки обвинить большевиков в пособничестве Германии остались недоказанными. В сущности целый набор антибольшевистских мифов был разрушен ещё в 1917 г. Однако так называемая историческая память избирательна: из прошлого извлекает только то, что «понятно» современникам. Если большевики легко «захватили власть», то им должен был непременно кто-то «помочь».

Действительно, большевикам «помогала» людская молва. В 1917 г. их действия словно подгонялись слухами об их постоянной *готовности* к захвату власти. Отсюда и миф о *перевороте*, а не революции. Между тем Ленин заговорил о восстании только после вынужденного перехода на нелегальное положение. Тогда же (18–19 августа) он писал, что «массы делятся на сознательно выжидающих, на бессознательно готовых впасть в отчаяние, но массы угнетённых и голодных *не бесхарактерны*»⁵¹. Это был скорее расчёт на победу восстания, притягивающую всех недовольных, нежели на сознательную поддержку большевистских планов со стороны низов.

Конечно, современное мифотворчество диктуется иллюзиями, опрокинутыми в прошлое. Так, наиболее смехотворный современный миф связан с убеждением, что предреволюционная Россия стремительно, словно на параде, двигалась от «традиции к Модерну». Понятно, что здесь сказываются отголоски квазимарксистского детерминизма, для которого всё, что не укладывается в его схемы, происходит от неведомых сил, которых в природе не должно быть. Или от банальных заговорщиков, каковых в хаосе революционной смуты можно насчитать сколько угодно. Было бы желание – разумеется, при соответствующей склонности к историографической паранойе или политической угодливости.

Русская революция, а равно и всемирная история задавалась вовсе не линейной перспективой, как было принято думать сто лет назад. История

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 415.

Lenin V. I., Poln. sobr. soch., T. 34, S. 415.

скорее циклична, соответственно свойствам человеческой массы, склонной «одергивать» размечтавшихся представителей политических элит. Революция может быть «консервативной», что наглядно демонстрирует современность. Подлинная революция возможна только в связи с «революцией сознания» массы населения. Возможно, для понимания «непрозрачности» русской революции» в нашем столь же «непрозрачном» мире⁵² требуется «другая организация разума и желаний, о которых мы можем пока мечтать»⁵³. Маркс видел в революции локомотив прогресса. Ленин придал прогрессистской убеждённости едва ли не религиозное звучание. Сегодня уместнее считать, что революция – это своего рода тормоз для безрассудных технологических модернизаций, не считающихся с «несовершенством» человеческой природы.

Всякое общество черпает силы в своём собственном прошлом. История великих потрясений не составляет исключения. Но что будет, если общество останется наедине со своей ложно понятой, лживо истолкованной и лукаво утвердившейся историей? Найдёт ли оно в себе силы оправиться от грядущего шока прошлого?

Список литературы:

1. Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М.: Три квадрата, 2003. – 254 с.
2. Аксёнов В.Б. Журнальная карикатура как зеркало общественных настроений в 1917 году // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2017. № 1. С. 4–16.
3. Бабкин М.А. Священство и царство. Россия, начало XX века – 1918 год. М.: Индрик, 2011. – 917 с.
4. Бородкин Л.И. Русская революция в свете теории динамического хаоса // О причинах русской революции. М.: URSS, 2010. – 430 с.
5. Вахитов Р.Р. Революция, которая спасла Россию. М.: Алгоритм, 2017. – 222 с.
6. Гаспарян А.С. Крах Великой империи. Загадочная история самой крупной геополитической катастрофы. М.: Изд-во «Э», 2016. – 320 с.
7. Герасименко Г.А. Состояние власти в России после свержения самодержавия // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М.: МИР НВ Магистр, 1994. – 159 с.
8. Горелик А. Анархисты в российской революции. Буэнос-Айрес: Рабочая Группа в Республике Аргентине, 1922. – 63 с.
9. Данилов В.П. Крестьянская революция в России. 1902 – 1922 гг. // Крестьяне и власть. М.: МШСЭН ТГТУ; Тамбов, 1996. – 182 с.

⁵² Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003. С. 11, 18.

Zhizhek S., 13 opytov o Lenine, M., 2003, S. 11, 18.

⁵³ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М., 2008. С. 296.

Habermas Yu., *Filosofskij diskurs o moderne. Dvenadcat' lekcij*, M., 2008, S. 296.

10. Данилкин Л.А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М.: Молодая гвардия, 2017. – 781 с.
11. Дворниченко А.Ю. Прощание с Революцией. М.: Весь мир, 2018. – 272 с.
12. Зыгарь М. Империя должна умереть. История русских революций в лицах. 1900 – 1917. М.: Альпина Паблишер, 2017. – 907 с.
13. Колоницкий Б.И. Ресурсы культурной памяти и политика памяти о Первой мировой войне в России // *Cahiers du monde russe. 1917. Historiographie, dynamiques révolutionnaires et mémoires contestées.* 2017. 58/1-2, Janvier–juin. С. 179–181.
14. Леонтьева Т.Г. «Революционная церковь» или «церковная революция»? О некоторых новейших исследованиях по истории Русской Православной церкви в 1917 г. // *The Soviet and Post-Soviet Review.* Vol. 36. 2009. №. 2. – 182-196.
15. Леонтьева Т.Г. Революция и вера. С. 29–79 // *Российская революция 1917 года: общество, власть, культура.* М., РОССПЭН, 2017. Т. 2. С. 29–79.
16. Лукоянов И.В. Революция 1917 года: что это было? // *Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии.* СПб.: СПб ГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. – 380 с.
17. Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. – 652 с.
18. Мстиславский С.Д. Пять дней Февральской революции. Берлин: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. – 91 с.
19. Николаев А.Б., Поливанов О.Л. К вопросу об организации власти в феврале – марте 1917 г. // *Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению.* М.: ИРИ, 1997. – 399 с.
20. Никонов В.А. Крушение России. 1917. М.: АСТ, 2011. – 698 с.
21. Никонов В.А. Октябрь 1917. Кто был ничем, тот станет всем... М.: «Э», 2017. – 1181 с.
22. Павлов Д.Б. Отечественная и зарубежная историография государственно-церковных отношений 1917–1922 гг. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2011. – 74 с.
23. Разумовский Ф. 1917: Переворот? Революция? Смута? Голгофа! М.: Изд-во Московской Патриархии Русской православной церкви, 2017. – 558 с.
24. Ранпарорт Х. Застигнутые революцией. Живые голова очевидцев. М.: Издательство «Э», 2017. – 512 с.
25. Rogoznyy P.G. Церковная революция 1917 года (высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: Лики России, 2008. – 223 с.
26. Цыганков В.В. Кризисы российского общества: Русская революция с позиций мирсистемного анализа // *О причинах русской революции.* М.: URSS, 2014. – 430 с.

27. Чураков Д.О. В битвах за историзм: проблемы изучения Великой Русской революции 1917 года и постреволюционного режима. М.: Прометей, 2016. – 387 с.
28. Чураков Д.О. 1917 год: Русская государственность в эпоху смут, реформ и революций. М.: Прометей, 2017. – 271 с.
29. Boniece S.A. Heroines and Hysterics: Mariia Spiridonova and her Female Revolutionary Cohort in 1917–18 // *Revolutionary Russia*. 2017. Vol. 30. № 1. P. 78–101.
30. Engelstein L. *Russia in Flames: War, Revolution, Civil War, 1914 – 1921*. NY: Oxford univ. press, 2018. – 848 p.
31. Entretien avec Marc Ferro // *Cahiers du monde russe*. 2017. 58/1-2, Janvier–juin. P. 15–31.
32. Immonen H. Viktor Chernov in 1917: A Reappraisal // *Revolutionary Russia*. 2017. Vol. 30. № 1. P. 55–77.
33. Corney F. *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca and London: Cornell univ. press, 2004. – 301 p.
34. Cubitt G. *The Jesuit Myth: Conspiracy, Theory and Politics in Nineteenth Century France*. Oxford: Clarendon press, 1993. – 346 p.
35. Gavroeva E. M.V. Rodzianko and Prince G.E. L’vov (Spring and Summer 1917) // *Revolutionary Russia*. 2017. Vol. 30. № 1. P. 35–54.
36. Hearne S. Sex on the Front: Prostitution and Venereal Disease in Russia’s First World War // *Revolutionary Russia*. 2017. Vol. 30. № 1.
37. Hildermeier M. *Die Russische Revolution, 1905–1921*. Frankfurt a/M, 1989.
38. Di Mascio C. *Lenin e i quaderni sulla scienza della logica di Hegel*. Firenze, 2017.

**UNDERSTAND CHAOS:
A HISTORIAN BETWEEN MYTHS OF REVOLUTION**

V. P. Buldakov

The Russian Academy of Sciences, the Institute of Russian History,
Moscow, Russia

The article shows that for 100 years historiography had not gone beyond the political ideas and myths born of the revolution itself. Such representations, in turn, were based on the “progressive” mentality of the Enlightenment. Meanwhile, the Russian revolution moved not at a linear perspective, as it was thought a hundred years ago. The history is rather cyclical, according to the properties of the human mass, tends to restrain representatives of impatient political elites. These thoughts were expressed by the most astute people a hundred years ago. The revolution can be “conservative”, which clearly demonstrates the present. A true revolution is possible only in connection with the “revolution of consciousness” of the mass of the population. Therefore, the events of a century ago should be rethought at the cultural and anthropological level.

Keywords: *the Enlightenment, Russia, the revolutionary cycle, culture, social chaos, historiography, myth, historical memory.*

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, институт Российской истории, Российская Академия наук, (Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: kuroneko@list.ru

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokchorovich – The Doctor of History, The Chief Researcher, The Institute of Russian History, The Russian Academy of Sciences, (117036, Russia, Moscow, Dmitry Ulyanov Str., 19), e-mail: kuroneko@list.ru

References

- Ajrapetov O. R., *Generaly, liberaly i predprinimateli: Rabota na front i na revolyutsiyu. 1907–1917*, M., Tri kvadrata, 2003. – 254 s.
- Aksyonov V. B., *ZHurnal'naya karikatura kak zerkalo obshhestvennykh nastroyenij v 1917 godu*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2017, № 1, S. 4–16.
- Babkin M. A., *Svyashhenstvo i tsarstvo. Rossiya, nachalo KHKH veka – 1918 god*, M., Indrik, 2011. – 917 s.
- Borodkin L. I., *Russkaya revolyutsiya v svete teorii dinamicheskogo khaosa, O prichinakh russkoj revolyutsii*, M., URSS, 2010. – 430 s.
- Vakhitov R. R., *Revolyutsiya, kotoraya spasla Rossiyu*, M., Algoritm, 2017. – 222 s.
- Gasparyan A. S., *Krakh Velikoj imperii. Zagadochnaya istoriya samoj krupnoj geopoliticheskoy katastrofy*, M., Izdatel'stvo «EH», 2016. – 320 s.
- Gerasimenko G. A., *Sostoyanie vlasti v Rossii posle sverzheniya samodержaviya, Vlast' i obshhestvennye organizatsii Rossii v pervoj treti XX stoletiya*, M., MIR NB Magistr, 1994. – 159 s.
- Gorelik A., *Anarkhisty v rossijskoj revolyutsii*, Buehnos-Ajres: Rabochaya Gruppa v Respublike Argentine, 1922. – 63 s.
- Danilov V. P., *Krest'yanskaya revolyutsiya v Rossii. 1902 – 1922 gg.*, Krest'yane i vlast', M., MSHSEHN TGTU; Tambov, 1996. – 182 s.
- Danilkin L. A., *Lenin: Pantokrator solnechnykh pylinok*, M., Molodaya gvardiya, 2017. – 781 s.
- Dvornichenko A. Yu., *Proshhanie s Revolyutsiej*, M., Ves' mir, 2018. – 272 s.
- Zygar' M., *Imperiya dolzhna umeret'. Istoriya russkikh revolyutsij v litsakh. 1900 – 1917*, M., Al'pina Pablisher, 2017. – 907 s.
- Kolonitskij B. I., *Resursy kul'turnoj pamyati i politika pamyati o Pervoj mirovoj vojne v Rossii*, Cahiers du monde russe. 1917. Historiographie, dynamiques révolutionnaires et mémoires contestées, 2017. 58/1–2, Janvier–juin, S. 179–181.

- Leont'eva T. G., «*Revolyutsionnaya tserkov'*» ili «*tserkovnaya revolyutsiya*»? *O nekotorykh novejsikh issledovaniyakh po istorii Russkoj Pravoslavnoj tserkvi v 1917 g.*, The Soviet and Post-Soviet Review, Vol. 36, 2009, №. 2. – 182-196.
- Leont'eva T. G., *Revolyutsiya i vera*, Rossijskaya revolyutsiya 1917 goda: obshhestvo, vlast', kul'tura, M., ROSSPEHN, 2017. T. 2. S. 29–79.
- Lukoyanov I. V., *Revolyutsiya 1917 goda: chto ehto bylo?*, Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii, SPb., SPb GEHTU «LEHTI», 2017. – 380 s.
- Medushevskij A. N., *Politicheskaya istoriya russkoj revolyutsii: normy, instituty, formy sotsial'noj mobilizatsii v XX veke*, M., TSentr gumanitarnykh initsiativ, 2017. – 652 s.
- Mstislavskij S. D., *Pyat' dnej Fevral'skoj revolyutsii*, Berlin, Izd-vo Z. I. Grzhebina, 1922. – 91 s.
- Nikolaev A. B., Polivanov O. L., *K voprosu ob organizatsii vlasti v fevrale – marte 1917 g.*, Fevral'skaya revolyutsiya: Ot novykh istochnikov k novomu osmysleniyu, M., IRI, 1997. – 399 s.
- Nikonov V. A., *Krushenie Rossii. 1917*, M., AST, 2011. – 698 s.
- Nikonov V. A., *Oktyabr' 1917. Kto byl nichem, tot stanet vsem...*, M., «EH», 2017. – 1181 s.
- Pavlov D. B., *Otechestvennaya i zarubezhnaya istoriografiya gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenij 1917–1922 gg.*, M., Izd-vo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo un-ta, 2011. – 74 s.
- Razumovskij F., *1917: Perevorot? Revolyutsiya? Smuta? Golgofa!*, M., Izd-vo Moskovskoj Patriarkhii Russkoj pravoslavnoj tserkvi, 2017. – 558 s.
- Rappaport Kh., *Zastignutye revolyutsiej. Zhivye golova ochevidtsev*, M., Izdatel'stvo «EH», 2017. – 512 s.
- Rogoznyj P. G., *Tserkovnaya revolyutsiya 1917 goda (vysshee dukhovenstvo Rossijskoj Tserkvi v bor'be za vlast' v eparkhiyakh posle Fevral'skoj revolyutsii)*, SPb., Liki Rossii, 2008. – 223 s.
- Tsygankov V. V., *Krizisy rossijskogo obshhestva: Russkaya revolyutsiya s pozitsij mirsistemnogo analiza*, O prichinakh russkoj revolyutsii, M., URSS, 2014. – 430 s.
- Churakov D. O., *V bitvakh za istorizm: problemy izucheniya Velikoj Russkoj revolyutsii 1917 goda i postrevolyutsionnogo rezhima*, M., Prometej, 2016. – 387 s.
- Churakov D. O., *1917 god: Russkaya gosudarstvennost' v ehpokhu smut, reform i revolyutsij*, M., Prometej, 2017. – 271 s.

Статья поступила в редакцию 19.05.2018 г.